АСЯ ЛЕОНТЬЕВА

Что случилось в июле

Ася Леонтьева
Что случилось в июле

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39425381
ISBN 9785449380289

Аннотация

Однажды в руках у Саши оказались письма школьницы, пропавшей без вести много лет назад. То, что она прочитала в них, навсегда изменило ее жизнь. В попытке разгадать тайну исчезновения девочки Саша все глубже погружалась в мир детских страхов, воспоминаний и откровений… Но можно ли верить всему, что написал подросток?«Что случилось в июле» – история о попытке собрать осколки разбитого детства. О поиске правды, убежищах и ловушках воображения и сочувствии, преодолевающем время.

Содержание

Часть I. 5
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Что случилось в июле

Ася Леонтьева

© Ася Леонтьева, 2018

ISBN 978-5-4493-8028-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I.
Гуакамоле с кузнечиками

1

Я встретила отца через год после его смерти.

Он шёл по тротуару в сторону перекрёстка, а я возвращалась домой после прогулки за городом. На повороте он заметил меня и помахал рукой. Стояли первые дни лета, а на нём была зимняя куртка и светлая шапка с меховой опушкой. Я хотела что-то крикнуть, но вместо этого продолжала молча смотреть ему вслед. Он перешёл дорогу на красный и исчез за деревьями. Больше я его не видела.

Меня зовут Саша, и мне тогда было двадцать лет. Наша семья жила в небольшом городе, главным достоянием которого были автомобильный завод и комбинат по производству туалетной бумаги. В детстве я гуляла во дворе, втиснутом между школой и пятиэтажкой в форме буквы «Г». Таких дворов у нас было много и все одинаковые, так что легко можно заблудиться.

После школы я окончила курсы менеджера и работала телефонным консультантом в интернет-компании. Корпоративными цветами нашей фирмы были синий и красный – сочетание, которое всюду попадалось мне на глаза. На сте-

нах конторы висели сине-красные плакаты, на столах покоились сине-красные ручки, блокноты, кружки. Менеджеры даже носили галстуки такого цвета – они стягивали горло, но снимать их не разрешалось.

Кажется, ни в одном деле у меня не было никаких особенных талантов, как и у большинства моих сверстников. Мы ничего не строили, не боролись, не бунтовали. Мы занимались самовыражением, играли в компьютерные игры, смотрели боевики, читали книги в сокращении. Мы много знали, но мало понимали. Мы жаждали признания – но не трудового, как у тех, кто полвека назад построил наш город, а другого – творческого. В то время несколько моих друзей что-то рисовали, играли и писали. Я следовала их примеру и сочиняла рассказы. В квартире, где мы жили с матерью, часто перегорали лампочки и всё время играло радио. Мама в свои пятьдесят начала терять память. Я знала о её романе с коллегой, но молчала. Вот, пожалуй, и всё обо мне.

Мама и папа развелись так давно, что мне казалось, будто они никогда не были женаты. После раздела имущества отец переехал жить в город Н., в маленькую квартиру в типовом панельном доме. Его работа была связана с командировками, отчего виделись мы редко. Он исправно платил алименты, звонил по праздникам и присылал открытки по электронной почте, хотя с интернетом не дружил. После мамы у него было ещё три женщины, с каждой из которых он прожил три года. Все они поддерживали в квартире отца идеальный порядок –

он был педантичен в ведении хозяйства.

В последние годы, будучи совершенно одиноким, он бросил работу и заделался рантье: продал старый родительский дом в посёлке к югу от Н. и купил просторную квартиру с видом на Каму, которую и сдавал до последних дней. Я не могу сказать, что знала его хорошо. Мои впечатления о нём складывались из детских переживаний и ограничивались общими подростковыми представлениями об отцах. Как бы то ни было, узнав о его смерти, я не почувствовала ничего.

Знакомые говорили, что в последнее время отец много пил, оттого сердце и не выдержало. Однако за день до смерти он пребывал в прекрасном расположении духа и ни на что не жаловался. Похоронили его пыльным июньским утром на старом кладбище в двух километрах от города. Помню, в детстве, проезжая мимо таких кладбищ или даже завидев у обочины одинокий памятник, я изо всех сил старалась разглядеть фотографию умершего. Если мне удавалось, я всю оставшуюся дорогу придумывала историю жизни покойного, воображала обстоятельства смерти и размышляла о том, много ли людей теперь помнят о нём. Тогда в моей жизни ещё никто не умирал.

На похоронах и долгое время после них мне пришлось выслушать немало соболезнований. Больше всего мне сочувствовали родственники и знакомые матери, которые либо вовсе не знали отца, либо знали его отдалённо и недолюбливали. Я принимала их слова смущённо и сдержанно, не зная,

как себя вести и что чувствовать. Я корила себя за безразличие, за то, что не испытывала горя, не скорбела, как мне полагалось. Даже сделала несколько искусственных попыток вызвать в себе грусть. Я слушала любимую музыку отца, пересматривала наши общие фотографии и те чёрно-белые снимки, которые мама хранила в старом альбоме на антресоли – там была их с папой совместная жизнь от студенческого знакомства до свадьбы и моего рождения. Так я узнала, что в юности отец много улыбался – гораздо больше, чем в зрелости. Что когда-то он умел играть на гитаре и ходил в походы, а ещё – что он был худым и вовсе не носил очков. Отец был невысокого роста, с залысиной и блестящим умным лбом. Я хотела скорбеть по нему. Я рассматривала его фото, как рассматривала лица на кладбищенских памятниках. Я пыталась представить себе его жизнь и пожалеть, что она закончилась.

Мама сказала, что мы с отцом слишком редко виделись, оттого были друг другу почти чужими. А ещё она сказала, что в этом никто не виноват. Я охотно поверила ей и вскоре забросила свои безуспешные попытки.

После похорон я хотела поделиться печальным известием с друзьями и коллегами из интернет-компании, но поняла, что не смогу достаточно долго и правдиво изображать страдание. Оставив смерть отца втайне от всех, я продолжила жить по-прежнему, словно ничего не произошло. Длина и свет моих дней менялись в зависимости от погоды за ок-

ном – мне казалось, что так будет если не всегда, то очень долго. Все шло своим чередом, разве что теперь мои мысли изредка занимала перспектива какого-нибудь далекого путешествия на деньги, которые я могла выручить от продажи имущества. Ведь, как бы там ни было, в своём скромном возрасте я стала владелицей немалого состояния: в наследство от отца мне досталось две квартиры, одну из которых ещё арендовала какая-то новоиспечённая семья.

Однажды вечером я читала в интернете статью о Мексике, где среди прочих описаний наткнулась на рассказ о знаменитом национальном блюде мексиканцев – жареных кузнечиках. Оказалось, что в этой стране их едят повсеместно: варёными, сырыми, высушенными на солнце, обжаренными и вымоченными в соке лайма. Самое популярное блюдо называлось гуакамоле: насекомых быстро обжаривали, смешивали с авокадо и намазывали на кукурузную лепёшку.

Моё внимание привлекла фотография под статьёй – на тонкой травинке сидел кузнечик, а рядом, будто фантом, висела вниз головой его прозрачная копия. В пояснении говорилось, что эти насекомые могут до пяти раз за жизнь сбрасывать старую шкуру и с каждым разом лишь слегка увеличиваться в размерах.

Не знаю, отчего я тогда вспомнила об отце. В начале июня почва была сухая от зноя, а дорога, ведущая к кладбищу, – пустая и пыльная. Из морга вынесли гроб с телом, подъе-

хал катафалк с распахнутым кузовом. Среди провожающих были те, кто не ехал на похороны, – они должны были проститься с отцом на ступенях. Они подходили по очереди, садились на корточки, смотрели на отца, что-то шептали или просто молчали. И так – один за другим. Я думала, это никогда не кончится – прямо как в кино. А он лежал себе в гробу – белый, с ровными чертами лица. Мне показалось тогда: если случайно задеть гроб ногой, он покатится по ступенькам, – настолько тело отца выглядело легким, невесомым. Будто бы из него вытряхнули все внутренности, и оно похудело и сжалось. Сухая, тонкая оболочка.

Я выключила компьютер и пошла в кухню, чтобы выпить воды. Долго искала стаканы, хотя мама всегда ставила их в одно и то же место – на верхнюю полку шкафчика для посуды. Я налила воды из бутыли с надписью «Кристалл» и подумала о чувстве постоянства, которым обладает моя мать: на протяжении многих лет она заказывала воду только этой марки. Возвращаясь к себе в комнату, я вспомнила, что и отец был не лишён странных привычек – все его женщины имели одинаковое каре цвета блонд, одинаковую, чуть полноватую фигуру и обладали неиссякаемой бытовой мудростью. В этом аспекте его жизни всегда царил строгий порядок, в то время как в других он был на удивление непоследователен – часто менял работу, много пил, гулял, много мечтал впустую. По специальности он был технологом, но всегда думал, что призвание его в чём-то другом. Много раз поры-

вался написать какую-нибудь повесть, основанную на своих переживаниях, или научиться изобразительному искусству. Однажды он рассказывал, как с похмелья взялся рисовать свой ботинок простым карандашом, и на рисунке тот выглядел даже лучше.

– Саша, Сашенька!

Я вздрогнула. Мне показалось, что я на секунду задумалась и забыла, куда иду. Но идти было некуда: я теперь стояла в полумраке посреди огромной комнаты, такой широкой, что стен не было видно. Не знаю, почему я решила, что это комната, – ведь ничто вокруг на это не указывало. Не было ни мебели, ни посуды, ни других людей. Не было ничего, кроме тёмного ограниченного пространства, но мне всё же казалось, что это место населено, что здесь живут. От этого стало спокойно. Даже захотелось посидеть здесь подольше, одной, в тишине.

– Саша!.. Господи, да что же это… Очнись, Саша!

Голос доносился откуда-то сверху, из высокого чёрного потолка. Я почувствовала, что кто-то хватает меня за руки и тянет в сторону, к одной из невидимых стен. Я зажмурилась, ожидая столкновения, а когда открыла глаза, увидела застывшее надо мной лицо мамы. Бледная и встревоженная, они рассказала, как обнаружила меня на полу в коридоре – всю в слезах и разорванной пижаме. Она говорила, что я рыдала навзрыд, заламывала себе руки, корчилась, словно от боли, и всё время повторяла что-то про июньскую землю,

в которой нельзя хоронить сухие шкуры. У моих ног лежали осколки разбитого стакана. Я ничего этого не помнила. Мама дала мне двойную дозу успокоительного, и через час я уснула.

С этого дня мир стал вызывать во мне какую-то смутную тревогу. Я будто слушала оркестр и вдруг начала различать каждый инструмент в отдельности. Будто из жизни исчезли некоторые краски, но я не знала, какие именно. Когда мама поворачивалась ко мне спиной, мне казалось, что лицо её в этот момент исчезает. Я стала бояться темноты и на ночь оставлять в комнате свет. Пару раз я просыпалась от пения кузнечиков в коридоре – их там было не меньше сотни. Нечто огромное пыталось пролезть в мою голову и не могло. Что-то безвозвратное происходило со мной долгое время и, наконец, совсем произошло.

По ночам я часами ворочалась в постели и думала о прошлом, которое упустила. Я перестала ходить на работу, перестала отвечать на звонки. Мне не хотелось говорить ни о чём, кроме отца. С фанатичной дотошностью я пыталась восстановить в памяти самые ничтожные детали наших редких встреч: его запах, походку, жесты. Я слушала его любимую музыку, пересматривала фотографии – и теперь эти занятия казались мне единственно важными, потому что помогали приблизиться к нему. Я почти ничего не знала о нём. Да что там – я даже никогда не интересовалась им по-настоящему. Эта мысль приводила меня в отчаяние.

Мать говорила о нём с большой неохотой. Её воспоминания были избирательны, отчего создавали впечатление мозаики, в которой всегда не хватало нескольких деталей. С каждым годом её мнение об отце упрощалось, сужалось до скупых резких характеристик. В конце концов она пришла к выводу, что он был пьяницей и бездельником. Мы с матерью начали ссориться. И не так, как ссорятся родители и дети, а по-взрослому. Мне казалось, что она, сама того не желая, разрушала своими суждениями тот образ отца, который я так внезапно и с такой болью обрела.

Не буду утомлять вас подробностями наших с ней разногласий. Скажу лишь, что после очередного скандала я решила переехать в маленькую квартиру отца в городе Н., где он прожил последние дни. Тогда это казалось мне смелым и взрослым поступком. В день отъезда я сообщила матери, что собираюсь быть рантье, как отец. Она ответила, что при моих больных нервах и дурной наследственности безделье – прямой путь в алкоголики. На этом и разошлись.

События, о которых я расскажу дальше, произошли со мной на отцовской квартире, где я жила всего около года. Рассказывать я буду подробно, но, увы, не последовательно. Сейчас мне сложно восстановить точный ход моей истории и вспомнить, что в ней было сначала, а что – потом, что явилось причиной, а что – следствием.

Порой в жизни случается то, что нельзя объяснить. Нечто чуждое, постороннее вмешивается в неё, меняя весь её строй

и логику. А когда это нечто уходит, поперёк вас остается глубокий дымящийся след, который занимает ваши мысли до конца жизни. Я называю это «присутствием тайны». Именно это заставляет меня снова и снова возвращаться к странному времени моего затворничества. Я заново переживаю события того года, восстанавливая в памяти эпизод за эпизодом, реплику за репликой, словно реставрируя старую киноленту. Но конец фильма всякий раз оказывается непохожим на предыдущий, правда ускользает от меня, отчего мне начинает казаться, что у этой истории вовсе нет завершения.

Тогда, в год смерти отца, я ещё не знала, что прошлое меняется вместе с людьми. Мы редко понимаем, что происходит с нами сию минуту. Но есть надежда понять это через час, через год, через жизнь.

2

Всё началось с собаки, которую держал отец. По приезде я нашла в кухне её миску, хранящую остатки сухого корма. Кто-то говорил на похоронах, что Санту (так звали собаку) на время забрали соседи отца – никто из родственников не захотел приютить её.

В отцовской квартире я была гостем, явившимся без приглашения. Здесь все осталось нетронутым, будто он вышел в магазин и вот-вот должен был вернуться. Стоптанные чёрные ботинки на коврике в прихожей. Пара рубашек, сло-

женных на краю кресла. Запасная связка ключей с брелоком-фонариком. Горка бесплатных газет. Книги, расставленные на полках ровно, корешок к корешку – отец гордился этой библиотекой. На стенах – две картины с русской природой: на одной – лесное озеро на рассвете, на другой – берёзовая роща, спускающаяся к ручью.

Походив немного по квартире, я вышла на лестничную клетку и позвонила в соседнюю дверь. Это была очень старая дверь, ободранная по углам, без номера квартиры и глазка. Спустя минуту она всё ещё не открылась. Я позвонила второй раз. Послышались тяжёлые шаги и кашель.

– Кто там? – спросил голос.

Я представилась. Дверь приоткрылась, из-за неё выглянула женщина лет пятидесяти в домашнем халате, носках и тапочках. Она осмотрела меня, и от этого взгляда я почувствовала себя виноватой.

– Ну наконец-то явилась. Я уж думала, вечно буду с этой псиной возиться. Неделя прошла, две – никто не идёт за ней. А нам! Утром – гуляй, вечером – гуляй… Эй, сына! – крикнула она через плечо.

Никто не отозвался.

– Веди сюда псину, дочка Сергеева пришла.

В коридоре за спиной женщины кто-то со скрипом отворил дверь.

– А командировки! – продолжала она. – Одна за одной, одна за одной… Уж не знаю, кем там твой батя работал. Ука-

тит – а нам с собакой возись, вот радость-то!

Женщина шире открыла дверь, и на площадку выбежала Санта. Шерсть на животе и лапах у неё была вся в мелких колтунах, а шею стягивал тонкий поводок.

Я извинилась и поспешила к своей двери. Заметив моё смущение, женщина вдруг смягчилась.

– Ты прости, дочка, прости, – сказала она. – Я же понимаю, горе у тебя. Да только отец твой тот ещё сосед был, знай. Вечно собутыльников водил. А как выпьет, так мог прямо на лестнице уснуть. На сожительниц своих орал тоже, да. Они от него бегали вечно. Да и собака вот… Я сама-то животных не люблю, это сын захотел.

Я закрыла дверь и стала прислушиваться. Соседка всё ещё причитала на лестничной площадке – о том, что в благодарность за Санту отец приносил одни только шоколадные конфеты. Хотя она, видит бог, не раз говорила ему о своем диабете. Потом дверь за ней захлопнулась, наступила тишина, и я наконец вздохнула с облегчением.

Поздним вечером я вывела Санту на прогулку. Стояла прохлада, какая бывает только летом, после долгого знойного дня. Мы шли по тёплому асфальту, мимо покосившихся скамеек, заехавших на тротуар машин, детской площадки с горкой и крутящимся колесом. На верёвках между деревьями покачивалось мокрое бельё. За проспектом виднелась церковь с голубыми куполами, а за ней – парк, от которого веяло дикостью леса. Он тянулся вдоль реки и заканчивался

где-то у моста, ведущего прочь из города. Я представляла, как буду проводить на этом мосту длинные летние вечера – непременно в одиночестве. У меня будет много времени для размышлений. Это казалось единственным достойным занятием для человека, которому не нужно больше заботиться о деньгах.

Той ночью я не сомкнула глаз. Мне чудилось, что кто-то невидимый тяжело ступает по кухонному линолеуму, звенит рюмками, кашляет. Казалось, что стоит войти туда, и увидишь, как посуда парит в воздухе. Мне мерещился запах водки – им были пропитаны стены, мебель, книги. Санта лежала возле кровати и рычала на телевизор, где крутили ночные реалити-шоу. Я смотрела в экран и время от времени подходила к окну, выходящему на школьный двор. Ночью он был ярко освещен и безлюден, отчего выглядел нелепо.

Всю следующую неделю я провела в мелкой старательной работе. Я трижды вымыла полы, буфет и холодильник. Одежду и обувь отца я вычистила и убрала на дальние полки шкафа. Проходя мимо книжного стеллажа, я останавливалась и подолгу разглядывала пыльные корешки – какую из книг он читал последней? Он говорил однажды, что «перерос» Толстого и углубился теперь в религиозную литературу. Да, папа был религиозен. Он воплощал в себе тот уникальный тип русского человека, который предпочитает каяться, а не воздерживаться от греха. Как-то он признался мне, что первое его занятие после сильного запоя – генераль-

ная уборка в квартире. Необходимо навести порядок в окружающем мире, чтобы почувствовать порядок в душе. Так, всякий раз он восстанавливал свой мир заново, начинал с чистого листа, чтобы потом опять сорваться.

Первые недели на новом месте я всё время куда-то ходила. В театры, в кино, в клубы. Всё это быстро наскучило. Я стала просыпаться в обед, завтракать остатками вчерашнего ужина. Я стала убирать в квартире каждый день, по сантиметру изучая его жилище. Лежа в его постели, я представляла, о чём он думал, когда засыпал здесь. Строил ли он планы на будущее? Чувствовал ли себя нужным?

Бывало, я целыми днями лежала так без движения, глядя в потолок или телевизор. Бывали другие дни, когда я без всякой цели слонялась по городу, здоровалась с прохожими, чтобы хоть с кем-то завязать разговор. Порой я садилась в автобус или, лучше, в трамвай, но обязательно у окна. Ехала до конечной, запоминая по пути названия остановок, магазинов, разглядывая угловатые фигуры зданий. Потом выходила и шла квартала три, после чего заворачивала в первое попавшееся кафе и сидела там до закрытия, потягивая пиво и слушая, о чём говорят люди за соседними столиками. А о чём не говорят вовсе. Это был мой собственный способ знакомства с городом. Так я сообщала ему, что приехала, что я внутри. Случайно подслушанные разговоры – это язык города; кто научится понимать его, того город примет за своего. С тем будет говорить, как с равным. Тому поведа-

ет тайны. Но люди в городе Н. словно никогда не говорили ни о чём существенном, сколько ни прислушивайся. Молчали и улицы, и дома, похожие на огромные каменные соты. Они стояли настороженные, будто готовые обвалиться, хотя строились, кажется, на века.

Я знала, что единственной моей обязанностью отныне будет снимать с банковской карты деньги, перечисленные квартирантами. А потом жить на эти деньги весь следующий месяц – так, как это делал отец. Сумма небольшая, но хватит на безбедное существование в городе, население которого ещё не достигло миллиона. Я думала, что со временем смогу накопить на путешествие, но внезапно обнаружила, что никуда не хочу ехать. Всё, чего я хотела, – день за днём просыпаться в постели отца и снова, с отчаянным усердием пытаться узнать его, восстановить его образ жизни во всех деталях. Воскресить его. Стать им.

В ближайшей аптеке я купила несколько видов антидепрессантов и стала пробовать их по очереди, пока не нашла самые сильные. Сон после них стал спокойнее, ночной страх отступил, но весь следующий день я будто плавала в густом тумане. Под действием таблеток мне нравилось гулять пешком. Сначала я изучила свой двор, потом свой квартал, потом соседние кварталы. Я поняла, что все они похожи один на другой – все, кроме моего. В моем квартале был бульвар с фонарями и церковь, от пения которой я просыпалась каждое утро. И, пожалуй, самая большая в городе школа. Она

стояла напротив моего дома и напоминала крепость: полукруглые стены, дикие яблони, издалека похожие на клубы дыма после осады. Мне не нравилась эта школа. Особенно поздними вечерами, когда она глазела на меня слепыми бойницами окон.

Помню, как стала изучать тропинки огромного парка. Как узнала, какие из них ведут к шоссе, какие – к стадиону, а какие – к набережной. Это были мои владения, мой собственный лес. Я могла укрыться в нём, когда захочу. Здесь было плохо со связью – ни мать, ни друзья не могли до меня дозвониться. Я перестала интересоваться жизнью знакомых в родном городе – их песни и рисунки были мне больше ни к чему. Я тайно и жадно наслаждалась тем редким видом безумия, которое погубило отца, и теперь осторожно подкрадывалось ко мне. Меня укачивало на высоких тёплых волнах. Я спала и не спала. И всё было реально, и всё было сном.

Город Н. был для меня чужим, оттого мне было легко идти по нему. Названия улиц ни о чём не говорили, не приходилось всматриваться в лица прохожих в надежде увидеть знакомого, а дорога, рождавшаяся под ногами, могла привести куда угодно. Я гуляла по этому городу так, как могли гулять по нему только приезжие или те, кто теряет память. Все прочие были обречены на воспоминания. Город был для меня смесью линий, дорог, проспектов, деревьев, магазинов – но всем этим в отдельности. Я будто бы не могла почувствовать его целиком, а выхватывала только мелкие

знакомые черты. Этот город во мне не нуждался. Он, может быть, даже не знал, что я существую.

3

Я расскажу вам, как познакомилась с Аистом. Мы с Сантой возвращались вечером с прогулки, а он сидел у подъезда и курил трубку. Выглядел он чуть старше меня, худой, бледный, и уже сутулился, как старик. На нём были рваные джинсы и футболка с потёртым Микки Маусом. Когда я поравнялась с ним, он встал со скамейки и загородил мне дорогу. Затем представился – голос у него был тихий, надломленный. Он был моим соседом по лестничной клетке – сыном женщины в цветастом халате.

– Знаешь, я наблюдал, – он говорил быстро, без пауз, будто заучил слова наизусть. – Каждый вечер и каждое утро твоя дверь хлопает в одно и то же время. Окна моей квартиры выходят на обе стороны, и я вижу, как сначала ты обходишь двор, потом направляешься к школе. Затем ты идёшь по проспекту, где теряешься из виду. Но я могу предположить, что ты доходишь до второго перекрёстка, ведь путь туда и обратно занимает у тебя пятнадцать минут. Ты нигде не задерживаешься, ни с кем не разговариваешь по дороге, потому что телефон, очевидно, не берёшь. На этот счёт у меня есть несколько версий…

– Тебе что, делать нечего? – перебила я.

Он опустил глаза и затянулся.

– А тебе?

За время нашего знакомства я так и не узнала его настоящего имени – он наотрез отказался мне его сказать. Аистом его когда-то называли одноклассники – дразнили из-за длинного носа. Он был чем-то тяжело болен, чем-то хроническим, отчего не работал ни дня в своей жизни. Он жил с матерью, получал пенсию по инвалидности и тратил всё время на прогулки, чтение фантастики и наблюдение из окна за жизнью остальных. Он так и говорил – «жизнь остальных». Тех, кто торопился по делам, парковал машины во дворе, отводил детей в детский сад, сидел по вечерам на лавочке с пивом и травкой. Он наблюдал за людьми с безопасного расстояния, из тёмного укрытия своей комнаты, как зоолог наблюдает за жизнью диких зверей.

– Эти люди, – говорил он. – Они всю свою жизнь пытаются доказать, что свободны от обстоятельств, системы, других людей и их мнений. При этом они каждый день, за редким исключением, делают одно и то же. Они похожи на заведённые механизмы – работают, пока не сломаются. И всё их существование представляет борьбу желаемого с необходимым. Их жизнь – это что-то среднее между мелодрамой и порнофильмом.

Все наблюдения Аист записывал в толстые тетради, которые аккуратно складывал в стопки по углам своей комнаты. В его дневниках упоминались десятки разных людей – за некоторыми он наблюдал годами, кто-то попадал на стра-

ницы лишь изредка, по случайности. Герои заметок носили условные прозвища: «женщина в синем плаще», «дворник №3», «управдом», «человек с бульдогом», «хозяин красной KIA №739». Встречались персонажи и с «человеческими именами», но это было исключением. Аист старался как можно реже называть людей по имени – говорил, что так наверняка не обознаешься и никого не обидишь.

В будущем он мечтал написать книгу, где все эти безымянные люди послужат ему прообразами. Это будет большой роман, говорил он, в нескольких томах, в нём будет «всё обо всех». Масштабное полотно со сложными характерами, витиеватым сюжетом и, конечно, непредсказуемым финалом. Но Аисту всегда казалось, что фактов и деталей ещё недостаточно. Из года в год он продолжал свои наблюдения в надежде связать все нити, переплести их между собой, чтобы получилась единая история. Только вот люди, за которыми он следил из окна, не были связаны ничем, кроме него самого, наблюдающего за ними. В этом состояла неразрешимая трудность его замысла: о себе он не мог сочинить ни строчки.

Я многое могу рассказать об Аисте, потому что успела хорошо изучить его странности. Например, он всегда говорил о школе так, словно учился в ней вчера. Это были самые яркие, страшные и печальные годы его жизни, полные приключений, драк, нежности и полного одиночества. Подростковое прошлое было для него куда яснее, чем настоящее. Казалось, в то время Аист совершил все важные для себя от-

крытия, принял все необходимые для жизни решения и с тех пор не узнал о мире ничего нового. Его душа застыла в какой-то красивой и правильной форме, неспособная больше пошевелиться.

Мать Аиста по образованию была учителем литературы, но всю жизнь торговала одеждой на рынке. Именно она сказала сыну, что однажды тот станет писателем и прославится. В детстве она проверяла перед сдачей его школьные сочинения, и те из них, что ей особенно нравились, читала себе вслух. Удачные абзацы она переписывала в большой блокнот, который и сейчас хранился где-то в её спальне.

Аист любил и боялся мать, потому много о ней говорил. Так я узнала, что раз в два месяца она летала в Турцию за новой партией вещей. Что она обладала сильным характером и глубоким презрением к мужчинам. Что друзей у неё не было, и общалась она с одной только сестрой, удивительно похожей на неё и такой же одинокой. А ещё с матерью, овдовевшей и больной женщиной, которая жила в деревне и наотрез отказывалась переезжать в город. Сёстры навещали её каждые выходные.

Пока мать была на работе, Аист гулял по городу, который за долгие годы одиночества успел выучить наизусть. Он забирался на крыши многоэтажек, на забытые стройки, в заброшенные подземные переходы. Он не любил толпу, огни и музыку, не любил машины и их слепящий свет. Лучшим местом для прогулок был всё тот же парк через дорогу –

огромный, дикий, сползающий к набережной, как огромная древесная лавина. Здесь можно было потеряться среди деревьев и идти по любой тропинке из тех, что разбегались в разные стороны от главной, с фонарями по обочине. Обязательным было лишь вернуться домой раньше четырёх – опоздать было немыслимо, ведь мама могла почувствовать его халатное отношение к ней. Это чувство было хорошо знакомо Аисту – оно возникало у матери всякий раз, когда он её «разочаровывал». Разочарованием могла стать невымытая вовремя посуда, плохо приготовленный ужин или неровно выглаженные стрелки на её брюках. Стоило ему сказать хоть слово против, как глаза её темнели, лицо становилось непроницаемым, будто внутри неё зрело что-то большое и громкое. Аист боялся этого выражения лица. Он знал, что за ним последуют упреки в невнимательности, в нелюбви и неблагодарности к ней, с таким трудом вырастившей его. Он готов был бежать от этих упрёков, закрыв глаза и уши. В такие минуты она была ему чужим, враждебным существом.

Женщин Аист остерегался. Всякий раз, прикасаясь к ним, он словно спотыкался о какую-то неприятную мысль, которую никак не мог додумать до конца. Он стыдился своей слабости перед красотой и тёплой наготой женского тела. Я помню, как он рассказывал мне про какого-то английского программиста, который ни разу в жизни не имел интимной близости и гордился этим как абсолютной победой воли и разума над физиологией. Ещё он упоминал о семье пианистов,

которые два года после свадьбы не занимались сексом, считая это дело грязным и недостойным возвышенных натур. Словом, он был девственником и не собирался ничего с этим делать.

Каждый день Аист вёл борьбу в самим собой, разрываясь между желанием идти куда глаза глядят и лететь на тёплый свет родного дома, запах материнских духов и свежевыстиранного белья. Субботы он ждал как избавления. В выходные, когда мама уезжала в деревню, он был предоставлен сам себе и мог делать, что пожелает. Желал он обычно одного – напиться. Поэтому мы брали по бутылке вина и отправлялись в город. Мы шли, захлёбываясь собственными пьяными мыслями и словами. Мы шли в никуда – а потом возвращались. Мы брали с собой любимые книги и читали их вслух. Нам некуда было спешить, нас никто не ждал. Мы были жалкими и не скрывали это друг от друга. Мы даже гордились, что ничего из себя не представляем. Наши положение, внешность и поведение не волновали нас. Мы были свободны.

– Ты маменькин сынок, импотент и тряпка бесхарактерная, – говорила я, когда мы играли в оскорбления.

– Слабовато, – отвечал он. – Ты вот, например, похожа на крысу, волосы у тебя грязные, а ещё ты тупая как пробка.

Это было не обидно. Ничто не могло быть обидно, потому что ничто не было важно и дорого. Можно было бросаться словами и грязью, бить друг друга у всех на глазах – это ничего бы не изменило. Мы всё так же встречались бы по вы-

ходным и шли прогуливать свои бессмысленные жизни.

– Твой отец, знаешь, был странным, – сказал Аист как-то. – Он иногда не бывал дома целыми днями, а потом возвращался и неделю не выходил. Я думал, у него нет никого из родни. А у него, оказывается, ты была. Я не говорил тебе раньше, но это я его нашёл мёртвым. Он лежал между стеной и креслом – вот ведь место для смерти, как специально готовил. Отодвинул кресло… Всюду в квартире валялись кусочки туалетной бумаги – я не понял почему. Дверь, знаешь, была не закрыта с ночи, а я вышел утром и решил заглянуть.

Мы гуляли и говорили часами, пока вино не заканчивалось. Мы покупали ещё, и я рассказывала ему о бывшей работе, университетских друзьях и городе, который когда-то считала своим. Я говорила, что ссорюсь с мамой по телефону, что так же, как он, мечтаю написать книгу – но всё оттягиваю время. Все мои рассказы в итоге приводили к отцу – это было неизбежно, как утреннее похмелье.

– Знаешь, я ведь почти его не знала, – говорила я. – Он умер, а я даже не плакала – как будто это чужой кто-то умер. А теперь вот повсюду чувствую его.

Аист не перебивал меня, а только кивал и потягивал своё красное сухое. Он никогда не пытался меня успокоить. Когда я замолкала, он просто начинал одну из своих историй. Их у него в запасе было много, и он умел не повторяться. Ко всему прочему, у него была превосходная память. Он пересказывал мне сюжеты прошлогодних новостей, рассказывал

о жизни обитателей нашего двора или случаях, которые произошли с ним во время прогулки пять лет назад. Порой мне трудно было разобрать, говорит он правду или выдумывает.

– Жила тут недалеко в коттеджном посёлке одна женщина, звали её Света, – говорил он. – Эта Света знала больше двадцати способов летать во сне. С детства ей снилось небо, крыши домов, раскачивающиеся на ветру макушки деревьев. Она могла легко оттолкнуться ногами от земли и парить, а могла стремительно взмыть в вышину и оттуда махать крошечным людям, оставшимся далеко внизу. Однажды у неё, кажется, даже были крылья: они посвистывали, рассекая воздух за спиной, и слегка тянули спину, будто портфель у школьника. На самом деле она ходила во сне. Порой муж с удивлением просыпался в пустой кровати, а позже находил её спящей за кухонным столом, в кресле или на чердаке. Залезть наверх по лестнице было сложно даже при свете дня, и он никак не мог взять в толк, как Света пробирается туда в темноте, на ощупь. Приступы лунатизма были хоть и неприятными, но слишком редкими, чтобы вызвать серьёзное беспокойство. К тому же, по словам Светы, в детстве она ходила во сне чуть ли ни каждую ночь, и вся её семья к этому привыкла. «Я ещё и разговаривала при этом, – с улыбкой рассказывала она. – Представляешь? Никто из братьев и сестёр не хотел со мной в одной комнате спать». В прошлом году Свету нашли мёртвой на старой заброшенной стройке в двух километрах от посёлка, где жи-

ли они с мужем. Экспертиза показала, что смерть наступила в результате несчастного случая – падения с большой высоты. Только вот не было поблизости от того места ни одного высокого здания.

Я слушала без интереса, а когда Аист заканчивал, всегда просила рассказать ещё об отце. Хоть небольшую, незначительную деталь, хоть обрывок разговора, подслушанный на лестничной площадке. И он рассказывал мне, пока его воспоминания не закончились.

Сам Аист называл свои истории «сказками». Порой он записывал их в виде рассказов, запечатывал в большие конверты и клал мне в почтовый ящик. Он говорил, что так практикуется перед созданием своего главного романа. За время нашего знакомства он послал мне дюжину таких конвертов и всегда просил не вскрывать их при нём, а уносить домой невредимыми. Только в своей комнате, сосредоточившись, я должна была разорвать конверт и начать чтение.

4. «Сказка о темноте» (из писем Аиста)

Когда уходят отцы – они уходят навсегда.

Матери, ещё полные нерастраченной нежности, начинают усиленно потчевать ею детей – так, что из тех вырастают лирики, художники и социальные работники. У каждого ребенка, покинутого отцом, на лбу есть невидимая отметина – она выделяет его из толпы сверстников; печать эта выдаёт в своём обладателе мягкий характер, вечную

незрелость, жажду получить совет или, может, одобрение. Да, одобрения покинутые отцами дети ищут всю жизнь, подавляя неуверенность и доказывая себе и другим, что они не хуже. Ничуть не хуже.

Изредка фигура отца появляется на горизонте, точно заблудившийся в море корабль. Выглядит эта фигура довольно осязаемой, и покинутый ребёнок может даже приблизиться и заговорить с ней. Он попытается завоевать внимание странного гостя, его расположение и интерес, отчего разговор между ними будет неловким и недолгим. Ведь фигура, похожая на корабль, не хочет ничего, кроме продолжения плавания.

Жил-был на свете один мальчик, который лучше всех в классе писал сочинения. Это были даже не сочинения, а целые маленькие рассказы, с сюжетными линиями, героями и конфликтами (удачные отрывки учительница зачитывала вслух перед всеми ребятами). Никто в школе не догадывался, что любовь мальчика к сочинительству проявляется не только в учёбе – дома на подоконнике его комнаты лежала «учётная книга» с твёрдой деревянной обложкой. В ней мальчик хранил свой роман или, как он его называл, «труд», посвящённый жизни на далёкой планете с таинственным названием Нубарий. Планету населяли крылатые темнокожие люди – они вили гнезда в скалах над беспокойным океаном и воевали с морскими чудовищами, которые то и дело пытались выползти на сушу.

Мама мальчика тихо гордилась сыном и порой тайком от него перечитывала рукопись, сидя на кухне поздними вечерами. Какое воображение! Придумать весь этот мир, полный красоты и опасности…. Она вчитывалась в описание планеты Нубарий и видела перед собой края исполинских утёсов, застывших в могучем тёмном порыве, видела луны, парящие над сизой водой океана, и сотни тысяч глиняных домов, нависших над берегом, как огромные ульи. Маме казалось, что сын унаследовал писательский талант от отца – тот тоже пытался сочинять рассказы, пока не устроился в газету. Однажды его по заданию редакции отправили на другой конец страны, и больше он не возвращался. Мама слышала по телевизору, что каждый год в России пропадает без вести 50 тысяч человек, и цифра эта наводила её на ленивые размышления о загадках вселенной: что, если где-то есть место, куда попадают все эти исчезнувшие люди? Что, если они сидят там в заточении без всякой возможности выбраться?

На книжной полке в комнате мальчика стояла семейная фотография: они втроём в купальных костюмах на фоне солнечного моря. Мальчику на фото было лет шесть, отец держал его за руку, а мама, чуть в стороне, улыбалась кому-то за пределами кадра. Мальчик часто рассматривал снимок, пытаясь найти сходство своего детского личика с лицом отца. Ему нравился этот загорелый, сильный человек, который с уверенной улыбкой глядел на него из-под рам-

ки. Мама однажды сказала мальчику, что его папа в прошлом тоже хотел стать писателем – с тех пор мальчик мечтал показать ему свой роман о планете Нубарий и втайне надеялся на похвалу.

Хоть чрезвычайная одаренность сына (и в не меньшей степени – его сходство с отцом) доставляли маме радость, она понимала, что у богатой фантазии мальчика есть и обратная сторона: с ранних лет он боялся засыпать в тёмной комнате. На все вопросы мамы мальчик смущённо, словно осознавая наивность своих страхов, объяснял: в его шкафу, стоящем напротив кровати, в темноте кто-то начинает шевелиться и тихо кашлять. Как только ни боролась мама с этой странной боязнью! Ставила сыну успокаивающую музыку перед сном, разговаривала с ним часами, сидела в его комнате допоздна, дожидаясь, пока тот уснет. Но ничего не помогало: каждое утро мама находила мальчика спящим при свете люстры, который почти сливался с утренним светом улицы.

Шкаф несколько раз переставляли то к окну, то к двери, но мальчик говорил, что от этого ничего не меняется. Тот, кто живёт в шкафу, всё равно каждую ночь шуршит, кашляет, а ещё иногда бормочет что-то вроде считалки. Мальчику даже казалось, что где-то он её уже слышал.

Однажды ночью мама проснулась от крика – сын выбежал в коридор в одних трусах и трясся, прислонившись к стене. Из его несвязной речи, всхлипов и криков мама по-

няла, что он по её настоятельной просьбе выключил свет на ночь, но так и не смог уснуть. Дверцы шкафа начали поскрипывать, а потом в комнате возникло что-то серое и высокое – оно неподвижно стояло у окна и смотрело на мальчика. Мама тут же бросилась в детскую, но там никого не было. Только вещи из шкафа разбросаны по полу.

Следующим вечером, вернувшись с работы, мама по привычке взяла с подоконника «труд», надеясь найти в нём новые строки о войне крылатых людей с морскими монстрами. Но вместо этого сюжет в романе её сына сделал неожиданный поворот: на страницах возник образ огромного серого фрегата, корабля-призрака без парусов, медленно и жутко выплывающего из-за горизонта. У кормы стоял капитан – он смотрел в подзорную трубу на приближающиеся скалы и чему-то задумчиво улыбался.

Наутро мама повела сына к школьному психологу, которая после быстрого осмотра заключила: причина страха не только в богатом воображении мальчика, но и в нежелании взрослеть. «Нужно посмотреть своему страху в лицо – сказала она. – Так поступают все взрослые люди. Представь, что твое воображение – это вода в кране, которую ты можешь включить и выключить, когда захочешь».

Мальчик молчал всю дорогу домой и только за ужином стал что-то тихо нашёптывать. Мама, расслышав его слова, выронила из рук вилку. Сын наизусть повторял считалку, которую когда-то в детстве читал ему на ночь

отец. «До чего же чуткая память у детей!» – подумала мама. Она вспомнила мужа и время, когда они вместе воспитывали сына, когда всей семьей ходили в гости, в кино, а отпуск проводили на море. Мама всегда опасалась, что не сможет воспитать ребенка в должной строгости, что сын её вырастет слишком изнеженным, несамостоятельным и не сможет противостоять трудностями. Мама подумала вдруг, что отец никогда не допустил бы пустых фантазий по поводу темноты и таящихся в ней ужасов. Нет, он бы не стерпел такого глупого поведения сына! Он бы нашёл, как справиться с этой нелепой боязнью – ведь он справлялся с любыми проблемами в их семье. А она, мама, слишком балует ребенка, слишком многое ему позволяет, потому что любит его теперь за двоих.

Несмотря на слёзы и уговоры мальчика мама уложила его спать при выключенном свете. «Если и сегодня увидишь своё привидение, завтра купим тебе новый шкаф», – пообещала она и, довольная своей твёрдостью, закрыл дверь в детскую.

Наутро, когда она зашла к сыну, свет был по-прежнему выключен. Дверцы шкафа были распахнуты, одежда разбросана по полу, а в центре комнаты стоял мальчик. Рот его напоминал чёрный ломаный круг, а его руки как будто кого-то обнимали.

Он смотрел внутрь себя.

В один из своих тревожных вечеров я распечатала очередное письмо Аиста. По привычке я ожидала найти внутри острую, белоснежную принтерную бумагу, а с ней новую сказку – страшную или смешную. Но вместо этого я увидела пачку старых тетрадных листов в клетку. Их было всего около двадцати, сплошь исписанных с обеих сторон. Крупный почерк под неправильным углом, оборванные кое-где края, жирные пятна, номера страниц, поставленные на полях простым карандашом… Изучив все листы поочерёдно, я тут же принялась перечитывать их во второй раз. Затем в третий и в четвёртый.

Это был не рассказ Аиста. Это были письма. И, судя по тексту, принадлежали они какой-то девочке. Это были довольно странные рукописи – в них не было ни дат, ни имён. Кроме одного – Вика, так звали автора. Из писем я узнала, что Вика жила с матерью и отчимом – им-то и были посвящены короткие, обрывистые записи. Это были семейные зарисовки, болезненно наивные и откровенные. Содержание их поразило, взволновало и возмутило меня настолько, что ночью я не смогла уснуть, а наутро отправилась к Аисту за объяснениями. Так я узнала о Вике Артемьевой – девочке, из-за которой начала этот рассказ.

Была суббота, потому Аист без стеснения отворил дверь и впервые пригласил меня войти. Миновав прихожую со светлыми обоями и шкафом без дверок, мы оказались в его комнате. Она напоминала кабинет серийного убийцы:

стены обклеены стикерами, фотографиями каких-то людей, клочками исписанной бумаги. На двух письменных столах покоились папки с вырезками из местных газет и журналов – криминальные сводки, интервью, чьи-то снимки. Всюду были разбросаны пишущие предметы, тетради, огарки свечей.

– Это… это всё не моё, – сказал Аист, заметив в моих руках конверт. В его лице читалась странная эмоция, словно бы он одновременно оправдывался и гордился собой.

Я достала из конверта письма и протянула их Аисту. Он некоторое время смотрел на них, будто не узнавая, затем извлёк из-под дивана тёплую бутылку вина и открыл её.

– Разве я не рассказывал тебе о Вике? – спросил он.

Я помотала головой, даже не пытаясь вспомнить это имя среди наших бесконечных бесед. Но то, что Аист называет кого-то по имени, показалось мне тогда необычным.

– Это моя одноклассница. Она жила в твоей квартире давным-давно, ещё до твоего отца, – Аист сделал глоток из горла. – Знаешь, она писала мне письма. Редко, может, раз в месяц. В школе мне их отдавала, чтобы я дома прочитал, когда буду один. Говорила, что это большая тайна, и никто не должен знать, что в них написано. А потом…

Он замолчал, сделал ещё глоток и поморщился.

– Потом, – продолжил он, – она исчезла. Классе в восьмом, перед самыми летними каникулами. Последнее письмо она мне на лестнице в подъезде отдала. Отдала и сразу домой пошла – ничего даже не сказала. А через неделю к нам

милиция заявилась – мол, у соседей ваших дочка пропала… Помню, в школе после этого много о Вике говорили. Говорили, говорили, а потом забыли. Будто бы это всё – просто так. Будто бы и не было ничего.

Он сказал, что до старших классов не вёл дневник наблюдений, так что в памяти его сохранилось не так уж много воспоминаний о Вике. Он помнил, что она была тихоней. Говорила мало и от неуверенности глотала слова. Во дворе не гуляла, после школы сразу спешила домой. При всей своей скромности Вика была по-детски красива, выглядела старше своих лет, чем вызывала насмешки в начальных классах. Учителя любили её и хвалили. Мать Вики после развода жила в гражданском браке с мужчиной, о котором Аист не мог вспомнить ничего, кроме усов. На уроках Вика сидела за первой партой. Аист мало обращал на неё внимания. Она была для него ничем не примечательной девчонкой по соседству. До тех пор, пока однажды не подложила ему в тетрадь запечатанный конверт.

Аист не знал, почему из всех одноклассников она выбрала именно его. В школе они почти не разговаривали – им просто нечего было сказать друг другу. Они были подростками – посторонними. Но с тех пор время от времени Аист находил у себя в учебнике, тетради, портфеле или даже почтовом ящике всё новые письма от Вики. А в них – новые события неизведанного, скрытого от чужих глаз мира, от которых ему становилось волнительно. Он будто подглядывал в замочную

скважину. А может, в приоткрытую дверь, которую специально для него оставили незатворённой. Он не понимал, зачем Вика это делает. Зачем посвящает его в неприглядные, интимные подробности своей жизни. Он был ещё слишком мал и робок, чтобы открыто заговорить об этом, поэтому просто читал. Читал и ничего не отвечал. Он не был другом, не был собеседником. Он был только читателем. Верным и молчаливым.

– Я боялся себе признаться, – сказал он мне. – Тогда, давно… Я боялся себе признаться, что мне всё это нравилось.

– Что именно? – не поняла я.

– Да вообще всё это, – он указал на письма. – Знаешь, когда она в класс заходила… Я видел её – и сразу представлял все эти мерзости. Всё, что я читал в её письмах, – всё это сразу вставало перед глазами. Я представлял, что я, знаешь, делаю всё то, что с ней там делают… Нет, это не передать. Мне было стыдно за себя, за неё, за то, что я *это* про неё знаю. В то же время я как бы этим стыдом наслаждался. Не стыдом даже, а близостью этой внезапной. Поначалу я даже не мог понять, правда это или нет. Действительно ли она делится своими переживаниями, страхами, мечтами? А может, она просто выдумала всё это? Но зачем? В общем, я мучился тогда страшно, но заговорить с ней не смел. Я боялся даже подойти к ней. Боялся и хотел.

Он начал в подробностях рассказывать, как шла поисковая операция, как к ним в школу приходили люди в форме

и расспрашивали про Вику. Никто ничего толком не мог ответить, потому что никто не дружил с ней. Вскоре после исчезновения Вики её мать и отчим съехали с квартиры – она пустовала несколько лет, пока в ней не поселился мой отец.

Аист показал мне вырезку двадцатилетней давности из газеты, которую отыскал в местной библиотеке и хранил теперь в одной из своих бесчисленных папок. В ней говорилось об исчезновении девочки – 14 лет, темноволосая, одетая в джинсы, белую футболку и джинсовую куртку с капюшоном. Последний раз её видели в загородном обществе «Родник», где располагался дачный домик её семьи. Фото девочки прилагалось.

Аист сказал, что никому не давал читать этих писем, даже милиции. Мне показалось странным, что спустя десять лет эта история всё ещё не давала ему покоя. Он усмехнулся.

– Я тогда глупый был, не понимал, – сказал он. – То есть понимал, конечно. Догадывался, что так не должно быть. Но всё равно ничего не делал. Мне не хотелось это прекращать, понимаешь? Мне хотелось и дальше читать её письма, узнать продолжение. Как в книге – ещё одну главу. Когда что-то написано на бумаге, всегда кажется, что это чья-то выдумка. А Вике… Ей помощь была нужна, только она не знала, как попросить. О таком ведь просто так не скажешь.

Аист закрыл папку с газетными вырезками и положил её обратно в тумбочку.

– У неё, когда она конверт-то мне отдавала на лестнице,

уже тогда что-то в лице читалось, какое-то предчувствие. Она на меня даже не посмотрела, как будто боялась, что я начну расспрашивать. Перечитываю её письма – и всё мне кажется, что там разгадка есть… Как будто там сказано, куда она исчезла и зачем. Только ничего там нет.

Я пообещала Аисту подержать письма у себя, если ему от этого будет спокойнее. Не знаю, зачем я это сказала, ведь тогда его тревога и отчаяние были мне ещё неясны. Я плохо умела сопереживать. В то время мной владело только одно сильное чувство – тёмная скука без конца и края.

Чтобы сменить тему, я предложила Аисту показать мне коллекцию его газетных вырезок. Мы пили вино и много говорили о героях статей, чьи потёртые фотографии мелькали у нас между пальцев, как только мы перелистывали страницу. До того, как стать частью полосы, каждый из них что-то думал о себе и о других, о мире вокруг. У каждого из них было имя, возраст, лицо. Были какие-то планы – на день, на месяц, на годы вперед. Сообщения об их смертях, травмах, награждениях, скандалах терялись в потоке более ярких фактов и событий. Эти люди были чьими-то друзьями и родными, любимыми и нелюбимыми, чьими-то коллегами, соседями, сослуживцами. Мы не знали, как они жили раньше и живы ли до сих пор. Не могли знать. Но было чувство, что мы кончиком пальца касались чьей-то далёкой жизни.

С того дня письма Вики Артемьевой стали моей настоль-

ной книгой. Это случилось как-то само по себе. Каждый день я словно бы случайно перечитывала тот или иной отрывок. Я не признавалась себе, но в глубине души смаковала мерзкие, отвратительные детали этого наивного рассказа. Мне казалось, что девочка, десять лет назад жившая в квартире моего отца, снова появилась здесь и стала разговаривать со мной со всей откровенностью, нежностью и простотой подростка.

Чувство причастности к чему-то безвозвратно утерянному, запретному и тёмному опьяняло меня. Я даже почти забыла об отце – так нравилась мне далёкая, призрачная Вика, растворившаяся в старых тетрадных страницах. Её тоже можно было любить и жалеть. По ней тоже можно было скорбеть. Только в ней было что-то ещё – что-то, чего не было ни в жизни, ни в смерти моего отца. А именно – «присутствие тайны». Снова и снова, с каким-то сладостным фанатизмом я перечитывала последние страницы, на которых повествование вдруг обрывалось. Я чувствовала жалость, гнев, сострадание. Мне хотелось знать, что будет дальше – но дальше не было ничего.

Несколько дней кряду я могла говорить с Аистом только о Вике. Он, по привычке своей, выслушивал меня, но довольно холодно. Всё, о чём я говорила, он уже пережил. Во время одной из воскресных прогулок он показал мне окно в школе-крепости, за которым располагался их бывший классный кабинет. С тех пор я стала чаще поглядывать на него, надеясь увидеть по ту сторону стекла тонкий деви-

чий силуэт.

И однажды я увидела его.

6. Из писем Вики Артемьевой

Мама и дядя занимаются этим пока меня нет.

Я прихожу из школы и вижу, что дверь в зал занавешена тканью с той стороны. В прихожей стоят его ботинки. Я разуваюсь тихо, чтобы они не слышали, иду в свою комнату. Запираю дверь и прислушиваюсь. Обычно я ничего не слышу. Иногда бывают тихие мамины стоны. Я вздрагиваю и мне становится стыдно. Не должно меня здесь быть, я им мешаю.

Проходит время, мама заглядывает ко мне в комнату. Я быстро включаю телевизор, чтобы она подумала, что я смотрю. Она уже приняла душ и надела халат.

– Приветик, Викуля. Ты давно пришла?

Я всегда отвечаю, что недавно. Потом она говорит, что у нас дядя в гостях. Как будто я не знаю. Зовёт чай пить. Я отказываюсь. Мне неудобно быть с ними. Они ведь только что этим занимались.

Мама и дядя на кухне говорят шёпотом. Я их совсем не слышу.

***

Дядя теперь живет с нами. Мама сказала, он работа-

ет заведующим складом в фирме, которая занимается изготовлением запчастей для машин. У него есть седина и живот. Он много рассказывает о Белоруссии, он там родился. Я веду себя с ним вежливо, выслушиваю его замечания. Он совсем не похож на папу.

Мама любит его. Когда он стал жить у нас, она стала чаще улыбаться. Наверное, потому что он не такой строгий, как папа. Не колотит её.

Дома у нас стало больше выпивки. Дядя после работы всегда выпивает рюмку водки. А маме покупает вино. Он говорит, что вино полезно для здоровья. В Грузии его дают пить даже малолетним детям по одной столовой ложке в день. Значит, и мне, и маме можно пить и не бояться. Мама говорит, что лучше пить только по праздникам, что так её родители приучили. А мне, наоборот, нравится вино, я его теперь за ужином могу пить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.